

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 1 (33).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (33), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0+82.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-135-149>

<https://elibrary.ru/RXMZJF>

© 2026. Мария Михновец

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

СПбГБУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского»,

Санкт-Петербург, Россия,

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия

Слово «политика» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского

© 2026. Mariia V. Mikhnovets

Herzen State University, St. Petersburg, Russia

Dostoevsky Literary-Memorial Museum, St. Petersburg, Russia

National Research Tomsk State University, Russia

The Word “Politics” in Fyodor Dostoevsky’s A Writer’s Diary

Информация об авторе: Мария Владимировна Михновец, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия; научный сотрудник, Литературно-мемориальный музей, ул. Достоевского, д. 2/5, 191002 г. Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник лаборатории «Компаративистика и имагология» филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, 634034 г. Томск, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01407.

Аннотация: В статье на материале «Дневника писателя» исследуются особенности понимания Ф.М. Достоевским слова «политика». Проведенный анализ показал, что ведущими для публициста оказываются значения и коннотации, зафиксированные в Толковом словаре В.И. Даля: автор моножурнала трактует политику как лукавое, скрытное поведение, главной целью которого является преследование собственных, частных интересов. На страницах «Дневника писателя» константно употребление словосочетания «поступать из политики», под которым подразумевается совершение действий в угоду конъюнктурным целям. Особое место в контексте исследуемой темы занимает глава «Идеалисты-циники». В ней Достоевский разворачивает полемику с представлениями Т.Н. Грановского о природе политики и рассуждает о том, возможен ли перенос на политику этических и моральных принципов человеческого общения. При трактовке действий европейских государств Достоевский актуализирует представление о политике как о совокупности поступков, совершаемых во имя ложных, псевдонациональных интересов. Европейская политика, по мысли создателя «Дневника писателя», является не выражением единого народного устремления, а волеизъявлением отдельного правителя.

Рассуждая о природе политики, Достоевский регулярно апеллирует к временному периоду, который определяет как «двухсотлетний наш период истории», «петербургский период» и др. Для публициста появление самого явления «политика» в отечественной общественной жизни связано с реформами Петра Первого. Однако по мысли Достоевского, «лукавой» политике оказываются подвержены только представители «привилегированных», ориентированных на Европу сословий. Политика же народная — это политика высшей чести, политика сердца, преследующая не локальные сиюминутные интересы, а ставящая своей целью решение вопросов глобальных. Главной целью политики народа, по Достоевскому, является соединение всех православных славян и бескорыстное служение народам Европы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя», политика, народ, Россия, Европа

Для цитирования: Михновец М.В. Слово «политика» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 1 (33). С. 135–149. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-135-149>

Information about the author: Mariia V. Mikhnovets, PhD in Philology, Associate Professor, Philological Department of Herzen State Pedagogical University of Russia, Moyka Emb., 48, 191186 St. Petersburg, Russia; Research Fellow, F.M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg, Dostoevsky St, 5/2, 191002 St. Petersburg, Russia; Senior Researcher, Laboratory “Comparative Studies and Imagology” of the Faculty of Philology of the TSU Research Institute, Lenin Ave., 36, 634034 Tomsk, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Acknowledgements: The reported study was funded by RSF, project number № 25-28-01407.

Abstract: The article examines the peculiarities of Fyodor Dostoevsky's understanding of the word "politics" based on materials from *A Writer's Diary*. The analysis of the text shows that Dostoevsky interprets politics as a crafty and secretive behavior aimed at pursuing one's own interests. The chapter titled "Idealistic-Cynics" holds a special place within the context of this topic. In this chapter, Dostoevsky engages in a debate with Timofey Granovsky's ideas about the nature of politics, discussing whether ethical and moral principles can be applied to politics. When interpreting the actions of European states, Dostoevsky emphasizes the idea of politics as a series of actions committed in the name of false, pseudo-national interests. According to the creator of *A Writer's Diary*, European politics is not an expression of a unified national aspiration, but rather the will of individual rulers. The opposition between politics and national spirit remains constant for Dostoevsky.

When discussing the nature of politics, Dostoevsky frequently refers to a specific period of time, which he describes as "our bicentennial period of history" or "the Petersburg period", among other terms. For the publicist, the emergence of the phenomenon of "politics" in Russian society is closely linked to the reforms of Peter the Great. According to Dostoevsky, however, only members of the privileged, European-oriented classes are exposed to the "crafty" aspects of politics. In contrast, people's politics is a policy based on the highest principles, a policy driven by the heart and not focused on local, short-term interests but rather aimed at addressing global issues. Dostoevsky's vision of people's policy is centered on the unity of all Orthodox Slavic peoples and selfless service to European nations.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *A Writer's Diary*, politics, people, Russia, Europe

For citation: Mikhnovets, M.V. "The Word 'Politics' in Dostoevsky's *A Writer's Diary*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (33), 2026, pp. 135–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-135-149>

Вопросы политики находятся в центре внимания «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: на страницах своего моножурнала автор обращается к осмыслению важнейших отечественных и мировых политических процессов. Система политических воззрений Достоевского, её эволюция, связь с философскими, религиозными представлениями писателя неоднократно становились предметом внимания исследователей, в том числе и на материале его позднего творчества ([Бабин, 2013], [Богданов, 2001], [Вититнев, Шмелева, 2021], [Волкова, 2017], [Захаров, 2021], [Касаткина, 1997], [Криницын, 2024], [Carter, 1991], [Matlock, 1979], [McReynolds, 2002], [Sandoz, 1979] и др.). При этом вопрос о том, с какими смысловыми и тематическими комплексами было связано само слово «политика» в мировоззрении писателя, еще не был осмыслен в достоевсковедении, нет статьи «политика» и в «Словаре языка Достоевского», выпущенного под редакцией Ю.Н. Караулова [Словарь, 2010]. Цель настоящей статьи — исследовать, каково было смысловое наполнение слова

«политика» для Достоевского в период его работы над «Дневником писателя». Это представляется необходимым, во-первых, поскольку из-за естественного развития языка лексическое значение слова, его коннотации, а также особенности употребления во второй трети XIX века могут существенно отличаться от современного и требуют комментария. Во-вторых, зачастую в картине мира конкретного писателя, в частности, Достоевского, те смысловые, символические и тематические комплексы, которые связываются с определенными словами, являются уникальными и взаимосвязаны с особенностями его индивидуально-творческой системы.

Данные «Статистического словаря языка Ф.М. Достоевского» [Статистический словарь, 2003] дают основания утверждать: слово «политика» действительно становилось предметом осмысления писателя, причем именно на страницах его публицистических произведений: в алфавитном словаре лемм общего корпуса текстов указано, что в общем слово «политика» употребляется 109 раз (из 2 887 743 слов в целом), в беллетристике — 14 (1 833 728 в целом), в публицистике — 87 (523 979), в письмах — 8 (530 436)¹. В разделе «Относительная частота лемм критики и публицистики в распределении по периодам творчества» (относительная частота на 100 000 графических слов текста)² приводятся сведения о том, что в период с 1845 по 1848 год в публицистическом наследии писателя встречается 17 употреблений этого слова, с 1860 по 1865 — 6, а с 1873 по 1881 — 21 употребление. Как видно, наибольшее количество использований слова «политика» выпадает именно на время создания «Дневника писателя».

Любопытно, что еще в начале 1860-х годов в журнале братьев Достоевских «Время» сложилась некая смысловая оппозиция, связанная со словом «политика»: рубрика, посвященная событиями Российской империи, именовалась «Внутренние наши новости», в то время как международные новостные обзоры публиковались в «Политическом обозрении». В то же время в журнале «Современник»

¹ См.: Алфавитный словарь лемм общего корпуса текстов // Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. URL: http://cfrl.ruslang.ru/dost_cd0/corpus/table1_1.htm (дата обращения: 12.05.2025).

² См.: Относительная частота лемм критики и публицистики в распределении по периодам творчества (Относительная частота на 100 000 графических слов текста) // Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. URL: http://cfrl.ruslang.ru/dost_cd0/corpus/table3_6.htm (дата обращения: 12.05.2025).

аналогичный раздел, автором статей для которого был Н.Г. Чернышевский, назывался и вовсе односложно: «Политика» (подробнее о сравнительных особенностях обзоров международных новостей во «Времени» и «Современнике» см.: [Михновец, 2025]). Это заставляет задаться вопросом о том, применялось ли в то время слово «политика» только по отношению к сфере международных отношений. Согласно Толковому словарю В.И. Даля, описывающему состояние русского языка интересующей нас эпохи, «политика — <...> виды, намеренья и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые. <...> Вообще уклончивый и samotный образ действий. Политик — м. умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать. Политические дела, виды. Политический преступник, замышляющий против государя и государства. Политичный, то же, бол. в знач. хитрый, ловкий, тонкий, обходительный» [Даль, 1882]. Таким образом, словарная статья не фиксирует связь слова «политика» исключительно со сферой межгосударственных отношений, но при этом очевидным образом демонстрирует, что в языке середины XIX века в его семантике преобладали негативные коннотации.

В ходе исследования был рассмотрен 21 случай употребления слова «политика», при этом анализ статьей «Дневника писателя» обнаруживает поразительную тождественность смыслового содержания слова «политика» тем определениям, которые дает в словаре Даль. Практически каждое употребление этой лексемы Достоевским связано с одним из значений, обозначенным составителем словаря. При этом в редчайших случаях слово «политика» не имеет нейтральной коннотации, но почти всегда несет в себе негативную окраску.

Так, например, в статье «Спиритизм. нечто о чертах. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» (январь 1876 года) Достоевский включается в общественную дискуссию того времени и рассуждает о том, почему же черти на спиритических сеансах не сообщают о ныне неизвестных научных законах, не помогают совершать научные открытия. Согласно мнению автора, открой спиритизм все тайны мироздания человечеству, оно вскоре достигнет совершенства земной, материальной жизни, однако сразу людей одолеют неразрешимые бытийные вопросы. По Достоевскому, человечество «тогда восстанет на чертей и бросит волхование... <...>

И провалится царство чертей! Нет, черти такой важной политической ошибки не сделают. Политики они глубокие и идут к цели самым тонким и здравым путем» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 34]. Безусловно, в данном фрагменте речь идет не о международных отношениях в прямом смысле, но о своеобразных «межвидовых»: царстве людей и царстве чертей. И в этом случае автор «Дневника писателя» актуализирует в слове «политика» значение, связанное со скрытым преследованием собственной выгоды, расчетливостью, манипуляцией.

На страницах своего моножурнала Достоевский последовательно использует лексемы «политик», «политика» в отношении государственных деятелей, поступающих не правдиво, открыто, а завуалировано. Неоднократно он использует выражение «делать/говорить [что-либо] из политики», подразумевая под этими действиями те, что совершаются в угоду конъюнктурным интересам, вопреки подлинному положению вещей. Так в июньском номере журнала за 1876 год Достоевский, разделяя общее предчувствие начала войны на Балканах и строя прогнозы относительно будущей стратегии европейских государств и Российской империи, пишет о том, что «Россия поступит честно — вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, — и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 45]. Обратим внимание на то, как честность и политика становятся контекстными антонимами: противопоставление этих понятий константно на страницах «Дневника писателя». В статье «Черняев» (октябрь 1876 года) публицист пишет о перипетиях событий в Сербии, роли европейских корреспондентов в развитии «интриги» и называет лукавое поведение Великобритании в сложившейся ситуации опять-таки поступками «из политики»: «Про несомненно бывшую интригу свидетельствуют все корреспонденты и все газеты в Европе; началась она и шла в Белграде всё время, с самого прибытия Черняева в Сербию. Интриге этой помогали весьма англичане из политики, помогали иные и русские, — эти уж неизвестно из чего» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 152]. Для Достоевского речи, произнесённые «из политики», всегда имеют скрытую манипулятивную цель, второе дно. Так в статье «Нечто о политических вопросах»

(апрель 1876 года) он пишет: «А между тем мне кажется, что барон Родич не только не хотел никого уколоть, но даже и “политики” тут никакой в словах его не было, а просто он обмолвился, сболтнул, брякнул о бессилии России вздор» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 120]. Получается, что нечаянно высказанное мнение, «обмолвка» без потаенного смысла по умолчанию никоим образом не может быть «политикой».

Обратим внимание на то определение политики, которое дает Достоевский в черновом варианте этой апрельской статьи: «политика должна быть составлена из разных штучек» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 227], хитроумность является её фундаментальным основанием. Достоевский трактует в сходном ключе и многие производные от политики понятия. Так «политическое равновесие» им рассматривается как «хитрая формула, созданная в свое время хитрыми людьми, чтоб надувать простячков» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 113].

Особое место в «Дневнике писателя» с точки зрения разъяснения содержания слова «политика» занимает статья «Идеалисты-циники» (июль-август 1876 года). В ней Достоевский полемизирует с Т.Н. Грановским, касаясь в том числе и вопросов политики, при этом устойчиво приравнивая её к обману, бесчестному поведению. Присуща подобная политика, согласно мнению автора, западноевропейским государствам. В одном из фрагментов статьи Достоевский рассуждает о моральном долге Австрии перед Россией, которая помогла сохранить стране единство во время венгерских событий. Для публициста неприемлемо представление Грановского о том, что надежды России на «благодарность [Австрии — М.М.] составляют лишь непростительный и смешной промах нашей политики». Автор «Дневника писателя» полемично приводит слова идеалиста-Грановского о том, что «частный-де человек одно, а государство — другое; у государства свои высшие, текущие цели, свои собственные выгоды, и требовать благодарности даже до жертвы собственным интересам — просто смешно». Получается, что политика подразумевает поступки, находящиеся за пределами норм общественной морали, логика межличностного общения не распространяется на политические дела. Понятия долга, великодушия, благодарности неприменимы к сфере политики, пытаться переносить эти понятия на неё — ошибка, демонстрирующая непонимание самого существа политики: «Говорить о неблагодарности или благодарности в политических

делах показывает только их непонимание. Государство не частное лицо; ему нельзя из благодарности жертвовать своими интересами, тем более что в политических делах самое великодушие никогда не бывает бескорыстное» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 64]. Эту же мысль Грановского Достоевский повторяет и в сентябрьском номере «Дневника писателя» за 1876 год в статье «Piccola bestia». В присущей своей публицистике манере автор будто бы воспроизводит прямую речь одной из сторон международного конфликта — премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли, графа Биконсфильда. После светского вечера в «своей богатой спальне» политик отгоняет от себя «неприятные» мысли о бесчеловечно распятых турками на крестах болгарских священниках и «раздумывает». Фантастическим образом английский государственный деятель цитирует слова Грановского, которые едва ли могли быть ему известны в действительности: «Что же, — подумает Биконсфильд, — эти черные трупы на этих крестах... гм... оно, конечно... А впрочем, “государство не частное лицо; ему нельзя из чувствительности жертвовать своими интересами, тем более, что в политических делах самое великодушие никогда не бывает бескорыстное”. Удивительно, но какие прекрасные бывают изречения, думает Биконсфильд, — освежающие даже, и главное, так складно» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 111].

Если в вопросах политики властны не моральные законы и нравственный долг, а логика конъюнктурной выгоды, то закономерно, что содержание политики может варьироваться в зависимости от внешних, сиюминутных обстоятельств. Этот феномен фиксирует Достоевский в статье «Восточный вопрос» (июнь 1876 года), посвященной балканским событиям и поведению европейских государств: «Невмешательство Европы, по-видимому, решено, но трудно сказать, чтобы в европейской политике в настоящую минуту было что-нибудь твердое и законченное. Ввиду огромного и вдруг восставшего вопроса все как бы положили про себя ждать и медлить последним решением» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 44]. При всей конъюнктурности политики, её неперменным внутренним законом является, по Достоевскому, «естественный, закон природы», состоящий в том, «что два сильные и ближайшие друг к другу соседа, как бы ни были дружны, всегда кончат желанием истребить один другого и, рано ли, поздно ли, приведут это желание в действие» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 87].

Важно отметить, что политика западных держав для Достоевского — это, как правило, политика отдельных личностей, в руках которых оказались бразды правления. Показателен в этом отношении пассаж, высказанный публицистом в статье «Страхи и опасения» (сентябрь 1876 года): «Уверяю вас, что собственно сама Франция ровно ничего не сделала для Италии. Освободил северную Италию лишь Наполеон III, по своим политическим соображениям, и вовсе даже неизвестно, освободил ли бы французский народ Италию сам, без Наполеона III и без его политических соображений. По крайней мере, очень трудно решить, произошло ли бы это освобождение итальянцев лишь для их освобождения, а не для некоторого рода политического захвата...» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 133]. В понимании Достоевского политика, «политические соображения» служат не интересам народа или народов, а единоличным амбициям и устремлениям правителя, тогда как народ движим другими мотивами. Даже его бездействие, как в случае с французами по отношению к итальянцам, не оценивается негативно, в отличие от априори отрицательного отношения к поступкам правителя, если они политически мотивированны. В рукописном варианте главы «Идеалисты-циники» публицист проводит аналогичную мысль о том, что хитроумная политика несвойственна для народов: он видит причину «неблагодарного» поведения Австрии по отношению к России именно в том, что «Австрия и не народ, а народы — неестественное соединение, а потому и поступила неестественно». Следуй Австрия «политике народов», она бы поступила иначе, поскольку «в политике народов должна быть честь» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 186].

Обратим внимание на это высказывание Достоевского о политике — оно является одним из ключевых в его картине мира. Автор «Дневника писателя» последовательно проводит мысль о том, что «политичность» в значении хитроумности, способности интриговать присуща представителям привилегированного сословия, индивидуалистского по своему характеру, но не народу. Политика народа — политика высшего духа, а не локальной выгоды. Таким образом, Достоевский выделяет, с одной стороны, ложную политику «практической выгоды» и, с другой стороны, — подлинную политику народа: политику «честь и благородства». Словосочетания «народная политика», «политика народа» для Достоевского лишены негативных коннотаций, в отличие от просто «политики». Посколь-

ку европейские державы проводят не политику народа, а политику отдельных правителей, то она и являет собой комплекс ложных амбиций, псевдонациональных и эгоистических интересов.

Примечательно, что на страницах «Дневника писателя» рассуждения о природе политики и её ложных устремлениях неоднократно соседствуют с упоминанием периода отечественной истории, на протяжении которого эта политика реализуется. Для его обозначения Достоевский константно использует словосочетания «двухсотлетний свой период», «петербургский свой период» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 46, 69], «двухсотлетний период нашего разврата и наших страданий» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 107], «двухсотлетняя история», «двухсотлетняя отвычка от дела» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 40, 45], «двухсотлетнее рабство народа» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 105]. Подобную связь слов «политика» и «петербургский» отмечает и «Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского» [Статистический словарь, 2003] в разделе «Текстуальные связи слов в критике и публицистике»³. Это словосочетание устойчиво в творческом сознании Достоевского и связано с важнейшим для него представлением о существовании двух макропериодов отечественной истории: древнейшего и нового, начавшегося с правления Петра Первого. Подробно об отношении Достоевского к первому российскому императору и его реформам неоднократно писали исследователи, в том числе в последние годы ([Акелькина, 2024], [Кругликова, 2022], [Новикова, 2024] и др.). В контексте рассматриваемой нами политической проблематики важно, что для Достоевского постпетровская эпоха, во-первых, — это время распада российского общества надвое: на народ и на оторванные от народной жизни сословия. Во-вторых, как показывает анализ статей «Дневника писателя», для публициста именно с начала XVIII века в общественную отечественную жизнь приходит та самая хитроумная политика. При этом руководствуются такой политикой только люди из «высших» слоёв общества, к которым Достоевский не скрывает своего пренебрежительного отношения. Так в статье «Культурные типики. Повредившиеся люди» (апрель 1876 года) Достоевский пишет о простом народе, «связанном двести

³ См.: Текстуальные связи слов в критике и публицистике // Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. URL: http://cfrl.ruslang.ru/dost_cd0/corpus/table3_15.htm (дата обращения: 12.05.2025).

лет сряду», необразованном, грязном и даже «не чесаном на Большой Морской улице». Народ вызывает брезгливость у «культурных типиков», которые, как саркастично пишет Достоевский, уже принадлежат к европейской культуре, видя «вершиной» и «торжеством» этой культуры и аристократического духа посещение в шелках и бархатах Михайловского театра. Однако именно «из политики» «культурные типики» готовы, не утрачивая глубинной неприязни к народу, «похвалить» народ, показав либеральность и прогрессивность своих взглядов [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 108].

По мнению Достоевского, «весь порядок в каждой стране — политический, гражданский, всякий — всегда связан с почвой и с характером землевладения в стране» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 98]. Получается, что «высшие», образованные слои общества, двести лет назад оторвавшись от земли, от почвы, и стали подвержены ложным политическим устремлениям, в то время как народ по-прежнему пребывает вне лукавства политики. Политика народа — это «политика чести и бескорыстия», которая «есть не только высшая, но, может быть, и самая выгодная политика для великой нации, именно потому, что она великая» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 65]. Она не движима ложно-национальными амбициями, не ставит перед собой цель приобретения локальной практической пользы. В статье «Идеалисты-циники» Достоевский пишет: «Да и практические ли только выгоды, текущие ли только барыши составляют настоящую выгоду нации, а потому и “высшую” ее политику, в противоположность всей этой “шиллеровщине” чувств, идеалов и проч.? Тут ведь вопрос. Напротив, не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости, даже, по-видимому, и в ущерб ее интересам (а на деле никогда не в ущерб)?» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 65].

В чем же существо подлинной политики духа, хранителем которой оказывается народ? На этот вопрос Достоевский дает ответ в статье «Утопическое понимание истории»: «Сам собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 47]. Политика России, по Достоевскому, никогда не заключалась в служении своей локальной, сиюминутной выгоде. Когда же государство двести лет назад обратилось в сторону запада, отечественная «политика чести высшая» начала распространяться и за пределы страны, во имя

блага Европы. Достоевский пишет: «Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорыстием, которое могло бы удивить Европу <...> в этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 45]. В искренность подобной самоотверженной политики, согласно мысли публициста, Европа «поверить не могла», поскольку в западном мире, стоящем на пути ложных, псевдогосударственных амбиций, подобное бескорыстие невозможно, оно противоречит самой природе политики. Цели политики европейских держав заключаются, как было сказано выше, в достижении мелких сиюминутных выгод, а то время как существо «неподкупной» российской политики, по Достоевскому, в служении высшей идее. Для автора «Дневника писателя» это идея славянского единого православного мира, единого восточного православного христианства.

Получается, что, с точки зрения Достоевского, преобразования Петра Первого привели к появлению в России самого явления, обозначаемого словом «политика». При этом, как показал анализ статей «Дневника писателя», Достоевский понимает слово «политика» двояко в силу двойственности самого явления на отечественной почве. С одной стороны, в картине мира писателя существует политика «лукавства», изначально присущая западной цивилизации. Носителями подобной политики в России стали «привилегированные» сословия, оторвавшиеся от почвы и ориентированные на Европу. С другой стороны, этим отечественным «культурным типикам» в России противостоит подлинная, народная политика сердца, бескорыстия. По мысли Достоевского, она живет и в самом народе, и определяет внешнюю политику России по отношению к Европе. Главным же вектором народной политики сердца является стремление объединиться с другими православными народами, а средством достижения этой цели является славизм: «Славизм, то есть единение всех славян с народом русским и между собою, и политическая сторона вопроса, <...> всё это вопросы хотя, без сомнения, самой первостепенной важности для России и будущих судеб ее, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточного вопроса для нас, то есть в смысле разрешения его в народном духе нашем. <...> Ибо главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь

в судьбах восточного христианства, то есть православия» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 61].

Список литературы

1. Акелькина, 2024 — Акелькина Е.А. Ф.М. Достоевский — о Петре I // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18, № 1. С. 32–38. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3.
2. Бабин, 2013 — Бабин В.Л. Международная тематика в обзорах Достоевского «Иностранные события» и в «Дневнике Писателя» 1876–1877 гг. // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2013. № 30 (2). С. 48–51.
3. Богданов, 2001 — Богданов А.В. Почвенничество. Политическая философия А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова. М.: Воробьев А.В., 2001. 143 с.
4. Вититнев, Шмелева 2021 — Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Эволюция и идейные особенности социально-политических воззрений Ф.М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 45–58. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-45-58.
5. Волкова, 2017 — Волкова Е.А. Внешняя политика России (западное направление) в публицистических произведениях Ф.М. Достоевского // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (116). С. 176–180.
6. Даль, 1882 — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, Т. 3: П–Р. 1882. 1782 с.
7. Достоевский, 1972–1990 — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Захаров, 2021 — Захаров В.Н. Достоевский как обозреватель мировой политики // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. № 4 (3). С. 50–63. DOI 10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63.
9. Касаткина, 1997 — Касаткина Т.А. Философские и политические взгляды Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. 1997. №8. С. 167–178.
10. Криницын, 2024 — Криницын А.Б. Социально-философское осмысление темы справедливости в диалоге «Государство» Платона и в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 139–158. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-139-158>
11. Кругликова, 2022 — Кругликова О.С. Образ Петра Великого в публицистике Ф.М. Достоевского // Русско-византийский вестник. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2022. № 3 (10). С. 119–128. DOI: 10.47132/2588-0276_2022_3_119
12. Михновец, 2025 — Михновец М.В. Творческие пересечения в освещении международных событий в журналах Ф.М. Достоевского и Н.Г. Чернышевского (на материале журналов «Современник» и «Время») // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 120–135. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-120-135>
13. Новикова, 2024 — Новикова Е.Г. «Нигилист Пётр Великий»: Ф.М. Достоевский об исторической роли Петра I в геополитическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 29–36. DOI: 10.17223/15617793/507/4

14. Словарь, 2010 — Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2010. Т. 2. 961 с.
15. Статистический словарь, 2003 — Шайкевич А.Я., Андриященко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. М.: Языки славян. культуры, 2003. 832 с. URL: http://cfri.ruslang.ru/dost_cd0/dostoevski.htm (дата обращения: 12.05.2025).
16. Carter, 1991 — Carter S.K. The Political and social thought of F.M. Dostoevsky. London and NW: Routledge, 1991. 310 p.
17. Matlock, 1979 — Matlock J.F. Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky // The Political Science Reviewer. 1979. Vol. 9. Pp. 39–60.
18. McReynolds, 2002 — McReynolds S. Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky // Literary Imagination. 2002. Vol. 4, Iss. 1. Pp. 91–104.
19. Sandoz, 1978 — Sandoz E. Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics // The Journal of Politics. 1978. Vol. 40. No. 3. Pp. 648–674.

References

1. Akel'kina, E.A. "F.M. Dostoevskii — o Petre I" ["F.M. Dostoevsky about Peter I"]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia*, vol. 18, no. 1, 2024, pp. 32–38. (In Russ.) DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.3.
2. Babin, V.L. "Mezhdunarodnaia tematika v obzorakh Dostoevskogo 'Inostrannye sobytia' i v 'Dnevnikhe Pisatel'ia' 1876–1877 gg." ["International Topics in Dostoevsky's Reviews 'Foreign Cases' in A Writer's Diary, 1876–1877"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 30 (2), 2013, pp. 48–51. (In Russ.)
3. Bogdanov, A.V. *Pochvennichestvo. Politicheskaia Filosofiia* A.A. Grigor'eva, F.M. Dostoevskogo, N. N. Strakhova [Pochvennichestvo. The Political Philosophy of A.A. Grigoriev, F.M. Dostoevsky, N.N. Strakhov]. Moscow, Vorob'ev A.V. Publ., 2001. 143 p. (In Russ.)
4. Vititnev, S.F., and A.V. Shmeleva. "Evolutsiia i ideinye osobennosti sotsial'no-politicheskikh vozzrenii F.M. Dostoevskogo" ["Evolution and Ideological Features of Fyodor Dostoevsky's Socio-Political Views"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istorii i politicheskie nauki*, no. 3, 2021, pp. 45–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2021-3-45-58>
5. Volkova, E.A. "Vneshniaia politika Rossii (zapadone napravlenie) v publiistsicheskikh proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo" ["Russian Foreign Politics (Western Direction) in Dostoevsky's Journalistic Works"]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (116), 2017, pp. 176–180. (In Russ.)
6. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language], vol. 3. Petersburg; Moscow, M.O. Vol'f Publ., 1882. 1782 p. (In Russ.)
7. Dostoevskii, F.M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Zakharov, V.N. "Dostoevskii kak obozrevatel' mirovoi politiki" ["Dostoevsky as an Observer of World Politics"]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, no. 4 (3), 2021, pp. 50–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63>
9. Kasatkina, T.A. "Filosofskie i politicheskie vzgliady F.M. Dostoevskogo" ["Dostoevsky's

Philosophical and Political Views”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 8, 1997, pp. 167–178. (In Russ.)

10. Krinitsyn, A.B. “Sotsial'no-filosofskoe osmyslenie temy spravedlivosti v dialoge ‘Gosudarstvo’ Platona i v ‘Prestuplenii i nakazanii’ F.M. Dostoevskogo” [“Socio-Philosophical Understanding of the Theme of Justice in Plato’s Dialogue *The Republic* and in Dostoevsky’s *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 139–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-139-158>

11. Kruglikova, O.S. “Obraz Petra Velikogo v publitsistike F. M. Dostoevskogo” [“The Image of Peter the Great in Dostoevsky’s Journalism”]. *Russko-vizantiiskii vestnik. Nauchnyi zhurnal Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, no. 3 (10), 2022, pp. 119–128. (In Russ.)

12. Mikhnovets, M.V. “Tvorcheskies peresecheniia v osveshchenii mezhdunarodnykh sobytii v zhurnalakh F.M. Dostoevskogo i N.G. Chernyshevskogo (na materiale zhurnalov ‘Sovremennik’ i ‘Vremia’)” [“Intersecting Perspectives on International Events in the Magazines of Fyodor Dostoevsky and Nikolay Chernyshevsky (A Case Study of ‘Sovremennik’ and ‘Vremya’)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025. pp. 120–135 (In Russ.)

13. Novikova, E.G. ““Nigilist Petr Velikii”: F.M. Dostoevskii ob istoricheskoi roli Petra I v geopoliticheskom aspekte” [“The Nihilist Peter the Great”: Fyodor Dostoevsky on the Historical Role of Peter I in the Geopolitical Aspect”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 507, 2024, pp. 29–36. (In Russ.)

14. Karaulov, Iu.N., editor. *Slovar' iazyka Dostoevskogo. Idioglossarii* [Dostoevsky’s Dictionary. *Idioglossary*], vol. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 961 p. (In Russ.)

15. Shaikovich, A.Ia., Andriushenko, V.M., and N.A. Rebetskaia, eds. *Statisticheskii slovar' iazyka F.M. Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky’s Language]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 832 p. Available at: http://cfl.ruslang.ru/dost_cd0/dostoevski.htm (Accessed 12 May 2025). (In Russ.)

16. Carter, Stephen K. *The Political and Social Thought of F.M. Dostoevsky*. London and NW, Routledge, 1991. 310 p. (In English)

17. Matlock, Jack F. “Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky.” *The Political Science Reviewer*, vol. 9, 1979, pp. 39–60. (In English)

18. McReynolds, Susan. “Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky.” *Literary Imagination*, vol. 4, issue 1, 2002, pp. 91–104. (In English)

19. Sandoz, Ellis. “Philosophical Dimensions of Dostoevsky’s Politics.” *The Journal of Politics*, vol. 40, no. 3, 1978, pp. 648–674. (In English)

Статья поступила в редакцию: 11.09.2025

Одобрена после рецензирования: 29.10.2025

Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 11 Sept. 2025

Approved after reviewing: 29 Oct. 2025

Date of publication: 25 March 2026